

Красная звезда. — 1995 — 25 янв.

Красное вино Победы

Имена и судьбы

“В последний раз вдоль состава пробежал морозный звон буферов, будто в поезде везли битую стеклянную посуду. Эшелон замер, и стало слышно, как в дощатую стенку вагона сечет сухой снежной крупой... Вслед за нетерпеливым озябшим путевским свистком сразу же началась разгрузка. Нас выносили прямо в нижнем белье, накрыв сверху одеялами, складывали в грузовики, гулко хлопавшие на ветру промерзлым брезентом, и увозили куда-то по темным ночным улицам...”

Это небольшой абзац из рассказа Евгения Носова “Красное вино Победы”, который и крупного романа стоит. Недаром же читатели и ведущие критики зачислили его в число лучших произведений о солдатах минувшей войны. Так честно и пронзительно вылепить образы раненых бойцов мог только тот, кто это пережил, сам все видел. Конечно, основную роль сыграл литературный талант, но и подлинное знание жизни для писателя — большое подспорье, опора и трамплин. Рассказ выжимает слезы не только у фронтовиков. Слезы и чувство гордости за воинов наших, победивших сильнее нас врага.

— Это я, знаешь ли, вообще-то про себя написал, — волнуясь, признался мне как-то Евгений Иванович. И тут же нахмурился, завздыхал, видимо, вспоминая пережитое...

Носов на фронте был рядовым, наводчиком противотанкового орудия, той самой знаменитой “сотки”, которая запросто прошивала лобовую броню. В Восточной Пруссии в одном из боев, когда артиллеристы отражали мощную атаку врага, его тяжело ранило. Полгода он пролежал в госпитале в городе Серпухове (об этом “Красное вино Победы”), а после выписки жил недолго в Казахстане, работая художником-ретушером в молодежной газете.

— И где это ты так хорошо рисовать научился? — поинтересовался я как-то при очередной встрече.

— Да и сам не знаю... С детства, должно... Боялся вот только, что правая рука не будет сгибаться. Осколок-то, он ведь, зараза, лопатку мне разбил, повредил локоть. Но ничего! Помаленьку разработал...

И тут я узнал, что он инвалид войны второй группы. Он жил, работал и никому об этом не говорил. Я намекал ему тогда, что вот, мол, льготами мог бы какими-то пользоваться. На что он как-то грустно улыбнулся и покачал головой. Он совестлив и скромный, как и его книжные герои. Вот уже и лауреатом стал, Героем Социалистического Труда, а все такой же, как и сорок лет назад: ни на что особо не жалуется, ничего не просит, живет в родном Курске и работает.

Еще лет десять тому назад бывал я у него в гостях и поразился тому, как он скрупулезно, подобно историку, знает свой край и так же интересно, как и пишет, рассказывает о нем. Мужик он крупный, неторопливый, многие в городе с ним здороваются, а иные заговаривают, и он с каждым постоянно, посмеется, что-то обсудит.

— С тобой и к вечеру до базара не дойдешь, — толкаю я его в бок. — Гусей-то всех разберут.

Евгений Иванович по поручению жены шел тогда покупать гуся к старому Новому году, но так и не дошел до базара, местный писатель перехватил, зазвал к себе...

Носов уже был знаменит, его “Усвятские шлемоносцы” и для кино снимали, все зачитывались этим поистине народным произведением. Другой бы писатель, обретя такую славу, подзабурел бы, напустил бы на себя этакой важной заумной мудрости, что и не подступись. Все эти “штучки”, как сам Евгений Иванович выражается, не для него. Он и в Москву редко ездит, чтобы не мельтешить там, зря время не прожигать. Он работает. И появляются у него в журналах и в газетах великолепные рассказы, маленькие повести, которые складываются потом в толстые и тонкие сборники.

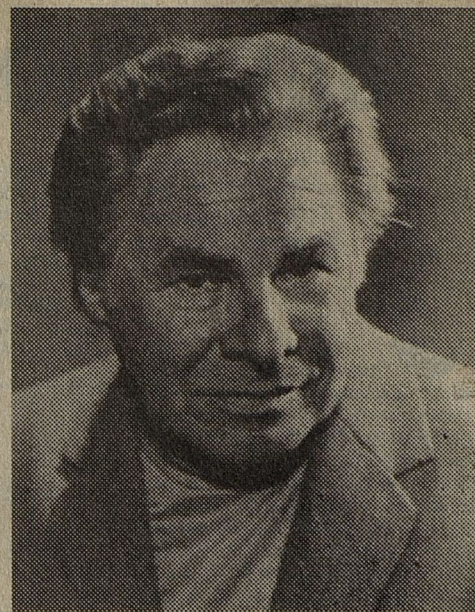
За что так искренне и прочно полюбилась нам проза Евгения Носова? А за что мы, собственно, любим чистую воду, воздух, солнце и небо и вообще природу? Я неспроста задался этим вопросом, потому что творчество Носова, его отточенные до изяще-

ства рассказы, как и природа, входят в наше сознание естественно, как бы сами собой. Они настолько точны и жизненны, что воспринимаются нами, как сама жизнь. И еще есть у Евгения Носова одно важное качество: писатель он глубоко национальный, очень русский. И в этом его сила. Над его проникновенными новеллами уронит слезу старая грузинка, улыбнется казахский чабан, задумается и вздохнет бывший солдат с Украины — всюду его переводили.

Захватывает нас, читателей, Евгений Носов, конечно же, самым главным: самой литературой, талантом, благородством, точной музыкой языка. Его нельзя читать быстро, слишком он густ и красочен. “Побежать рыжички побратать... Вчера бежала одной палестиной — будто кто денежки просыпал”, “Молодой месяц запутался острыми рождками и доверчиво дремал в вишняках...”

Евгений Носов и очеркист превосходный. Этим боевым жанром пользуется он, правда, не часто, но уж ударит, бывало, так ударит, как из дальноточного орудия. За все в России болело и болит у него сердце, и он все делает, чтобы помочь своей малой и большой Родине.

На днях Евгению Ивановичу Но-

сову исполнилось семьдесят лет. Сделано им немало, на двух полках книги не уместаются. Звоню ему, чтобы поздравить, и слышу в трубке знакомый басок. Напоминаю о гусе, которым он грозился меня угостить.

— Надо было, милый мой, — смеется Носов, — приезжать, когда у нас в Курске гуся были дешевые. А сейчас со своим гусем приезжай, с заграничным, у вас там, в Москве, все, говорят, заграничное!..

Поговорили мы, пошутили. Как работал Носов, так и работает, Вдумчиво и серьезно, как и положено мастеру. И пусть у него на столе в день Победы будет хорошее красное вино.

Юрий ГРИБОВ,
“Красная звезда”.

Фото Николая КОЧНЕВА.